

М.А. Осоргин

Книга о концах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М11

М11 **М.А. Осоргин**
Книга о концах / М.А. Осоргин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 106 с.

ISBN 978-5-4241-1949-1

Роман Михаила Осоргина "Книга о концах" посвящена русским революционерам-террористам - "жонглерам бомбами и жизнями", "просчитавшимся мечтателям". Автор, сам прошедший искусство эсеровской террористической романтики, размышляет о судьбах этих людей, о причинах их разочарований. Книга содержит также сборник рассказов.

ISBN 978-5-4241-1949-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М.А. Осоргин, 2021

Осоргин Михаил Андреевич
Книга о концах

МИХАИЛ ОСОРГИН

Книга о концах

Роман

Роман "Книга о концах", при самостоятельном сюжете, связан общностью эпохи и некоторыми именами с романом "Свидетель Истории", вышедшим в 1932 году, и может считаться его продолжением.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ

Это началось в Застенном Китае, когда Наташа Калымова пересекала с караваном пустыню: мерный шаг верховой лошади продолжался, но ни лошадь, ни верблюды каравана не двигались, а на них наступали пески Гоби и однообразный кругозор. Продолжалось на океанском пароходе, который стоял на месте, не отзываясь на быстрый набег спокойной воды; а за кормой вода собиралась в огромные валы пены. То же было с берегами Суэцкого канала, и так же мимо окон дрожащего, но неподвижного вагона круговыми движениями проходили заплаты и скатерти полей, а ближе, по скользящей прямой, мчались голые деревья с пучками омель, - Наташа принимала их за пустые вороньи гнезда.

Европа надвинулась Ривьерой и марсельским портом, затем Францией, наконец, предместьями Парижа. Когда поезд остановился на неприветливом вокзале, - мертвая точка была переиждена, и теперь уже сама Наташа ехала в маленьком дребезжащем такси по неподвижным улицам Парижа. Мир потускнел, снизился, переполнился тревожными мелочами. Люди стали оседлыми, связанными со множеством улиц, поворотов, вывесок и предметов быта. В этой тесноте и озабоченности нужно было отыскать свой угол. И Наташа сказала шоферу:

- В какой-нибудь отель близ улицы Сен-Жак. В недорогой!

У нее был единственный адрес, полученный в России, - Тургеневская библиотека* на Сен-Жак; название улицы вызывало в памяти романы Дюма и потому хорошо запомнилось. Стекла такси перестали дребезжать у дверей отеля, а служитель, в жилете и зеленом фартуке, внес чемоданы на четвертый этаж и поставил большой у камина, а поменьше - на железные козлы, скрепленные плетеными тязами.

* Тургеневская библиотека - Русская общественная библиотека им. И. С. Тургенева, организованный в Париже эмигрантами из России. Живя во Франции, М. А. Осоргин был читателем этой библиотеки и даже входил в правление.

Так она приехала для новой жизни. В складе неразобранных воспоминаний остались московская каторжная тюрьма, побег двенадцати, изумительное путешествие через Урал, Сибирь, Монголию и над безднами двух океанов.

Аббат Шарль-Мишель де Л'Эпэ, родом из Версаля, изобрел азбуку для глухонемых. За год до его смерти родился ученый Жозеф Луи Гей-Люсак, который открыл закон единообразия расширения газов. Их именами названы улицы в Латинском квартале.

Улицы сходятся под углом. Из верхнего углового окна виден прекрасный купол, до которого глаз добирается по унылым крышам домов, запинаясь за перевернутые цветочные горшки. Над этим куполом - другой, небесный, серый, цвета дождя и скуки; он взора не радует, и на него никто в Париже не смотрит.

Аббат благодетельствовал самую обездоленную часть людей: лишенных

Слова и Музыки. Его ученый сосед дважды поднялся над землей на воздушном шаре, проверяя то, до чего додумался на земле.

Судьба великих завидна! Но, конечно, их имена уже ничего не говорят проходим и проезжим: почтовому чиновнику, модистке, содержателю кабачка, даме с собакой и могильщику на дорогах второго разряда, возвращающемуся с работы восвояси.

Имена ученых неизвестны и женщине двадцати пяти лет, из которых последние пять - неправдоподобны, без оглядки, всегда накануне смерти и в круге смертей чужих. Вот так сходятся углом улицы, вот здесь окно, вот там купол, о котором она еще не знает, что это купол Пантеона. Усталая от долгой дороги, неизвестно для чего родившаяся в стране снегов и равнин, неизвестно зачем попавшая в мировую столицу. Возможно, что она останется в кругу глухонемых, но возможно, что ее судьба - подняться к небу на воздушном шаре.

Серый купол над Парижем грязнеет, купол Пантеона обращается в силуэт. По улице от фонаря к фонарю бежит черный человек из сказки и таинственной палкой зажигает газ. В отеле газ горит только в узких изломанных коридорах, а в комнате Наташи свеча и керосиновая лампа с узким стеклом, по которому лениво ползет книзу картонный колпак, пока не наткнется на пузырь. На колпаке, в овалах, Нотр-Дам и лицо неизвестного с неестественной бородкой и выставкой орденов. Очевидно, жизнь начнется только завтра, а пока лучше всего спать. Даже есть от усталости не хочется и не хочется считать ступени узкой лестницы и искать на незнакомых улицах неизвестный ресторан.

Она не слышит, как до поздней ночи хлопают двери и шаркают ноги, как по трубам порыва-ми течет вода, на улице громыхают колеса и топают подковы битогов. Она спит, как всегда, мирным и здоровым сном. Но и в глубоком сне не отделаться от привычной качки - спина верблюда и лошади, море-море, вагонное титата-татата и смена образов: пески-пески, волны-волны, необычный говор на остановках и пересадках - от прошлого дальше, а в будущее глубже. В потоке песков, волн и людей - затерявшаяся щепочка. Сосед по купе, француз, очень вежливо и слишком ласково спрашивает:

- Мадемуазель путешествует одна?

Если ему ответить: "Да, на верблюдах через Гоби, на щепке по океанам, и сама я - щепочка, отколовшаяся от русской ели",- он сделает круглые глаза: "Возможно ли? Но это - героизм!" Затем, приоткрыв в мозгу клеточку за номером и справившись,- все объяснит загадочно-стью славянской души, хотя все души для него одинаково загадочны, за исключением латинской, одетой в двубортный пиджачок.

Рано утром опять бежит вода по трубам и шаркают ноги за дверью. За окном каменный грохот.

Она раскидывает пропыленные и липкие занавеси окна - и опять купол над неприветливыми крышами. Но небо сегодня живое и ясное, только в комнате брр... как холодно! Больше всего хочется облиться водой. Как они здесь это делают? Вчера вечером спросила про ванну, и коридорный смотрел долго и удивленно. Ну, после все устроится. Где-нибудь выпить кофею с булочкой, с двумя, с тремя булочками, и пойти по адресу: улица Сен-Жак, русская библиотека. Сегодня же увидеть подруг и товарищей, ее опередивших и уже здешних. И Аня должна быть в Париже, - простая девушка с Первой Мещанской, надзира-

тельница тюрьмы, всех их спасающая. Чудно: Анюта - и вдруг в Париже!

С живостью Наташа спускается с четвертого этажа, слышит напевное "бон-жур, мадам" еще не причесанной хозяйки, отдает ей ключ и выходит из подъезда.

Куда? Направо или налево?

С минуту стоит и улыбается, потому что все-таки хорошо. Вообще хорошо! Потом идет... ну все равно, хоть налево!

НОВЫЙ ДРУГ

Комната большая и светлая, но холодная; еле согревает ее камин. Две кровати; у Наташи большущая, в полкомнаты; стояла посередине, но отставили к стене; а для Анюты нашли небольшую железную. И совсем маленький стол с шаткими ножками. Культ письменного стола, какой в России есть у доброго студента, французам незнаком,- только культ кровати.

Анюту больше всего удивляет, что в здешних домах нет двойных рам и нет, стало быть, подоконников; впрочем нет и настоящей зимы, так, слякоть какая-то. И вообще живут неуютно.

Было много радости, когда Наташа их всех разыскала в Париже. Помогла, конечно, библио-тека, эмигрантский справочник. В тот же день вместе обедали в дешевом ресторане на Бульваре, - четыре участницы побега, эмигрант Бодрясин и недавно приехавший из России Петровский. Этот приехал легально, с заграничным паспортом, своим собственным, будто бы кончать учебу; но он был из московской революционной группы, имел некоторое отношение и к побегу, и через него тут рассчитывали держать связь с Россией.

За обедом Наташа шепнула Анюте:

- Зайди ко мне в отель вечером; только зайди одна. Ты найдешь?

Из всех московских подруг Наташа выбрала ее, простую девушку, которой была, правда, обязана свободой. Выбрала сразу, не раздумывая. В чужой стране нужен преданный друг - и лучшего не найти.

А через день, с помощью опытного в этих делах Бодрясина, жившего в Париже третий год, нашли комнату в том же Латинском квартале и поселились вдвоем.

Закутавшись в теплую шаль, купленную в Сибири, и смотря на синий огонек угля, Наташа сидит в любимом и уютнейшем месте - в углу обширной кровати, поверх одеяла, подобрав ноги и локтем на подушках. Читать не хочется, а думать - о чем думать? О том, что следовало бы слушать лекции в Сорбонне и вообще чем-нибудь заполнить жизнь? Или работать, зарабатывать немного денег, чтобы жить без чужой помощи? Вот Анюта, не в пример прочим, уже добилась этого: она шьет белье и может этим кормиться. А сейчас читает, заняв уголок стола у лампы. Анюту "развивают" книгами, ей надо догонять других, раз ее жизнь так переменялась. А ведь в сущности ей просто нужно бы мужа, хорошего, дельного и работающего. Мужа и детей.

- Анюта, тебе хотелось бы выйти замуж?

Анюта подымает голову и смотрит удивленно. Уж очень труден переход от скучной и малопонятной книжки к такому житейскому вопросу.

- Замуж? А почему?

- Просто, чтобы муж и дети.

- А мне и так хорошо. Да и кто меня возьмет-то! Это вам бы замуж, Наташень-

ка.

Анюта не может привыкнуть говорить с Наташей на ты.

- Вы красивая да интересная, вас всякий полюбит.

- Я всякого не хочу, Анюта. Да я и была замужем, только недолго.

- Я знаю, мне рассказывали. А правда, что его звали Оленем?

- Да. А по-настоящему Алексей, Алеша. Но я тоже звала его больше Оленем.

Он был... замечательный.

Анюта смотрит на Наташу сострадательно. Знает, что этого Оленя в Петербурге арестовали и на другой день казнили; а Наташа тогда была в тюрьме.

Уж как она любит Наташу, как любит, совсем как родную, - а понимать не умеет. О таком горе вспомнила - а ни слезинки, еще даже улыбается. То ли в ней такая сила, то ли раньше выплакала все слезы.

Стучит и входит Бодрясин, частый гость. С Анютой здороваются просто, приятельски, а с Наташей с развязной застенчивостью:

- Здравствуйте, товарищ героиня!

Анюте пора уходить; к шести часам она носит в мастерскую готовую работу.

Бодрясин подшучивает:

- Об-бычная история! Как я в дверь - так Анна Петровна исчезает!

Бодрясин сильно заикается. Ему под сорок лет. Он не только некрасив и неуклюж, но и обезображен глубоким шрамом со лба через переносицу до нижней челюсти. И плохо владеет левой рукой. Все это - следы сибирского этапа, когда его и других били прикладами и рубили шашками конвойные. Бодрясин на этапе ударил офицера - и это кончилось страшным избивением его и товарищей. Один от ран умер, и дело было замято, иначе грозила Бодрясину смерть по суду.

- Зашел по обычаю на огонек. Посидеть можно?

- Какие новости?

- Новости пот-трясающие! Раскол в п-парижской группе, и на много кусков.

- Идеальный?

- Б-боже сохрани! Чисто тактический. В кассе взаимопомощи кого-то записали под полной фамилией, а не под партийной кличкой. Он-то ничего против не имеет, и всем его фамилия известна, как и кличка, но п-получился скандал: нарушение к-конспирации! Сначала п-прения сторон, затем т-товарищеский суд и заседания правления в порядке об-бычном и в порядке ч-чрезвычайном. Весь Париж взолнован. Разбились на две группы, потом на четыре, а завтра на столько, сколько есть членов. И поднят п-прин-нципиальный вопрос, несколько отдаленный от темы, о соответствии личной жизни членов правления кассы их обязательным партийным убеждениям, а также о к-к-кооп-тации.

- О чем?

- О к-кооптации. Можно ли к членам избранным приобщать членов к-кооптированных. П-преинтересный вопрос!

- Охота этим заниматься!

- А! Вон вы какая! А у нас п-полагают, что от этого зависят судьбы неб-благодарного отечества! Я лично стою на почве в-возможного несоответствия личных убеждений личному п-пов-ведению, и меня, кажется, исключат из партии.

Бодрясин, конечно, шутит. В партии его уважают и побаиваются, как человека умного, прямого и преданного революционному делу.

- Неужели и Надя Протасьева, и Вера, и Петровский этим заняты?
- А непременно! Они, кажется, примкнули к антик-к-ко-опгаторам и соответственникам. Впрочем, Петровский, я думаю, воздержался; он сегодня купил новый костюмчик, довольно х-хо-рошенький, только рукава коротки.

- Вы его не любите?

- Петровского? Я вообще любви по мелочам не расточаю, а на большую не имел еще случая.

- Как людям не скучно!

- А чем же, Наталья Сергеевна, заниматься?

- Да уж лучше, вот как я, валяться на постели.

- Вам хорошо, вы - отставная героиня на покое. А мы - люди п-подначальные и обязаны заниматься самоуов-вершенствованием. Отличное слово, только очень трудно произносится. Попробуйте-ка.

- Что? Самоуовершенствование?

- У вас хорошо выходит. А я больше раза в день не могу выговорить.

Бодрясин недавно вернулся из России, куда ездил нелегально, будто бы по делам перевозки литературы. Но Наташа знала, что дело шло о пополнении рядов эсеровской боевой организации, сильно обескровленной и нуждавшейся в притоке новых сил. О российских настроениях он рассказывал:

- Люди сведущие утверждают, что сейчас в России д-дураков осталось чрезвычайно мало, и все очень торопятся наверстать п-потерянное в смысле личных переживаний. Я, конечно, не осуждаю, но с удивлением смотрел, как быстро люди меняются, особенно молодежь. В Ярославле, например, была небольшая группочка, хорошо подобранная. Ну и оказалось, что все заделались п-поэтами-символистами, а также изучают п-по-ловой вопрос. И убедили меня, что я чрезвычайно отстал от века. И я понял, что действительно отстал. Однако в-водку мы п-пили, и я, знаете, всех п-перепил, а они ослабели и стали тихо скандалить, так что я п-предпочел скрыться.

Бодрясин любит притворяться циником - но никого этим не обманывает. С Наташей он откровеннее, чем с другими.

Они молчат и смотрят на огонь камина. Бодрясин не спрашивает, но Наташа знает, что он ждет, когда она заговорит о деле.

- Я вам сегодня обещала ответить.

- Это не спешно.

- Все равно нужно. Я все-таки сначала хочу осмотреться и отдохнуть.

- Од-добряю.

- Вы вправду одобряете?

Бодрясину поручили поговорить с Наташей об ее вступлении в боевую группу Шварца. Он выполнил поручение с неохотой, но выполнил. Не убеждал, не советовал, не отговаривал,- просто передал о желании Шварца и других. Даже не сказал, что сам с этой группой тесно связан. Она обещала ответить сегодня.

По-видимому, такого ответа он и ждал.

- Одобрять искренне. И не потому, что не верю в дело или не верю в вас, а потому что так для вас лучше, торопиться не нужно.

- Я себя здесь еще как-то не определила.

- Вот именно. А тут нужно либо слепо, либо по х-хладному разуму, как мы, грешные.

- Вы - по хладному разуму?

- А как же! По чувству, Наталья Сергеевна, я и мухе зла не желаю, хотя она кусается. Ей, мухе, тоже жить хочется. А по х-хладному разуму - готов ей обломать крылышки, пожалуйста! Одним словом - дело конченное. Хотите, я вам прочитаю апостола?

- Слушайте, Бодрясин, почему вы такой не простой?

- А нет, я, собственно, простой. Но скажу вам прямо - вы меня даже обрадовали. А почему - потом вам расскажу, сейчас не в ударе. Что же до апостола...

- Какого апостола?

- Ну, как в церкви читают. Вы давно в церкви не бывали? А я, вы знаете, из семинаристов. Могу апостола или многолетие. Иногда упражняюсь - и выходит весьма в-велегласно. У меня к-консьержка в ужас приходит, они ведь не понимают всей к-красоты.

- Вы, значит, серьезно говорить не хотите?

Бодрясин повернул лицо к Наташе, и лампа осветила уродливый рубец на его

скуле.

- Слова, Наталья Сергеевна, не серьезны, а мысли мои серьезны. И от этих мыслей иногда хочется уйти подальше. Совсем далеко! Так что не сердитесь.

- Я не сержусь, а мне иногда вас жаль.

- Чувство хорошее. И мне тоже. Я себя, в общем, люблю и жалею, но нельзя же в этом п-преувеличивать! Вы обедать пойдете?

- Нет, Анюта купит и принесет чего-нибудь. Оставайтесь с нами.

- Тогда, знаете, я спущусь и куплю вина и чего-нибудь там вроде сыру. Мы устроим дру-жескую трапезу, и я п-подробно расскажу вам о к-кооптации и несоответствии. А вы расскажете о п-пустыне и верблюдах. Можно? И будет прек-прекрасный вечер!

МАМЕНЬКИН СЫНОК

У Петровского, действительно, новый костюм, и неплохой, из английской материи. Но быть элегантным Петровскому не удастся, как не удавалось и в России, даже не помогает хорошо заглаженная складка брюк. Неудачен цвет галстука, недостаточно блестят башмаки, форма мягкой шляпы выдает русского. Нужна еще уверенность в себе, и этой уверенности у Петровского нет.

А между тем ему положительно везет. Это уже не тот неудачливый юноша Петровский, ко-торому жандармский ротмистр говаривал в Москве на конспиративной квартире: "Отвратительно вы работаете. Петровский! Прямо вам говорю - так у нас ничего не выйдет. А вы еще о прибав-ке!" Теперь и опыта больше, и положение совсем иное: он действительно свой человек в партий-ной среде, и Москва возлагает на него надежды. Нет и в деньгах прежней нужды Петровско-го не стесняют, только бы работал честно и усердно.

Для вида он - студент Сорбонны; как легальный, имеет возможность ездить в Россию. В партии ему не дают серьезных поручений, но могут и дать. Он ждет, осторожно укрепляя связи, не проявляя особой воинственности, не измышляя никаких "событий", ограничиваясь осведомлени-ем своих московских покровителей. Им довольны - доволен и он. Его карьера зависит от выдер-жки и он готов ждать.

Недавно он познакомился со Шварцем и, кажется, Шварцу понравился. Что

такое Шварц - отлично известно Петровскому: глава боевой организации, будто бы распушенной после провала в Петербурге,- но разве может Шварц оставаться бездеятельным? Где-то и что-то Шварц готовит! Спрашивать об этом, конечно, нельзя не только Шварца, но и других, к нему близких.

Петровский - добрый товарищ, скромный, всегда готовый помочь в нужде. Сам не нужда-ется: у него в Москве мать, небогатая, но с достатком. Материнские письма Петровский охотно читает вслух. Она пишет: "Ради Бога, учись хорошенько и береги здоровье!" В шутку Петровского называют маменькиным сынком, но в общем любят.

Может быть, у Петровского и нет в Москве никакой матери, ни бедной, ни богатой; но ведь письма от нее приходят и деньги получаются! И сам он пишет ей аккуратно, опуская письма по вечерам в почтовом отделении на улице Клод Бернар.

В последнем письме Петровского к матери были строки:

"Дорогая мамочка. Деньги получены, спасибо. Я писал тебе, что познакомился с милым Ш. На днях опять с ним виделся. Он очень участлив. Покаялся ему, что наука меня не удовлетворяет и что хочется живой и настоящей работы. Он сказал: "подождите, придет и ваше время". Потом спросил, мог ли бы я съездить в Россию по маленькому делу. Я ответил, что конечно".

Дальше писал о других встречах - все в том же откровенном тоне преданного сына, уверенного, что мать его одобрит.

И правда, в ответ он получил:

"Старайся, милый, подружиться с таким дельным и нужным человеком. При надобности приезжай повидаться. На расходы вышлю, но будь умереннее, позже это окупится. Сообщи, как твой новый друг думает проводить лето".

Получив письмо. Петровский с довольным видом гулял по бульвару Сен-Мишель. На него приветливо смотрели окна магазинов,- превосходные воротнички и яркие галстуки. Сам он смотрел на лица проходивших женщин как это и понятно в молодые годы - и думал о том, что, при житейской удаче, все делается доступным человеку: и предметы, и рестораны, и женщины.

На повороте встретился с Бодрясиным, который спешил и только кивнул. Петровский подумал: "Вот этот мне не очень нравится! Шварц гораздо лучше".

И решил - хотя это нелогично - чаще видаться с Бодрясиным и, если можно, посидеть с ним и выпить, притвориться опьяневшим и покаяться и ему в том, в чем признался Шварцу: что спокойная жизнь и ученье наскучили и что душа просит иного, если нужно - бурь, подвига, самопожертвования. Потому что ведь нельзя же сидеть за границей без дела, когда там, в России, гибнут последние герои, а деспотизм поднял голову! Но только нужно покаяться в этом осторожно и тонко, потому что Бодрясин - человек грубоватый и недоверчивый.

Втянутый в большую игру - игру своей и чужими жизнями,- Петровский пытался чувст-вовать себя героем или, по крайней мере, большим авантюристом. Но гораздо чаще он испытывал страх: а вдруг узнают, что у его мамы седоватые полковничьи усы и жилистая шея, а ее интерес к заграничным товарищам сына преувеличен? Не так же ли провалилось много больших и малых деятелей, которых в разговоре сам Петровский называл предателями и провокаторами. Придет день - и на шею неожиданно затянется веревка! Затянут ее те же Бодрясин или Шварц, и тогда не спастись, а если и ускользнешь - все равно окончена жи-

тейская карьера. И тогда никакая мама не поможет; напротив, эта мама первой отвернется и бросит его на произвол судьбы.

В минуты такого малодушия Петровский робкими шагами входил в рестораник или в биб-лиотеку, где встречались эмигранты. Подходя, наблюдал, нет ли на лицах вопроса или подозрения, и успокаивался, услышав приветливое: "Куда вы запропастились, Петровский?" или: "А вот и он в новом костюмчике!". На улыбки он отвечал улыбкой и усаживался рядком, уверенный, что еще день выигран.

Никаких особых "сомнений" или раскаяний Петровский не испытывал; случилось это в Москве в начале его знакомства с "мамой", но давно прошло. Маленький и неопытный шулер возмужал, втянулся в игру, имел от нее достаток, даже иногда любовался своей двойной жизнью. Товарищи считали его парнишкой средних способностей, малым - простаком; но простаками были они сами, и это доставляло Петровскому и удовольствие и оправдание: пусть так думают!

И он не обижался, когда его называли шутя маменькиным сыночком; только принимал смущенный вид и неловко отшучивался.

ДВЕ ЧАШКИ КОФЕЮ

Сидя у Наташи перед камином и пристально глядя на горящие угли, Бодрясин говорил:

- За эту неделю, что я у вас не был, со мной вышел прек-к-курьезнейший случай. Хоть это и т-тайна, но вам могу рассказать. Был я только что в Бельгии и ездил туда уб-бивать ч-человека.

Сразу не поймешь, когда Бодрясин говорит серьезно и когда шутит. Судя по тому, что он больше обычного заикается, нужно думать, что за шуткой кроется серьезное.

На своем обычном месте, в уголке кровати, опершись локтем на подушку и подобрав ноги, Наташа голубыми глазами смотрела на его освещенное отблеском камина и обезображенное шрамом лицо.

- Нужно вам сказать, Н-наталья Сергеевна, что я до сей поры человек не убивал, не приходилось. И как-то не собирался, потому что я - личность с яркими приметами, неудобная для выступлений.

Рубец на щеке казался розовым. Наташа слушала, не шевелясь.

- Ну-с, а за последнее время у нас все возмущены, что упустили Азефа*. Но убивать я ездил не его, это было бы неблагоразумным, так как он меня хорошо знает. А получили мы известие, что в Бельгии проживает, и даже очень открыто и нагло, под собственной фамилией, бывший начальник д-департамента полиции, с которым Азеф работал. Меня и послали его убить.

* Упустили Азефа - Евно Фишелевич Азеф (1869 - 1918), один из организаторов партии эсеров, руководитель ряда ее боевых организаций, с 1892 г. сотрудничавший с департаментом полиции. В результате провокаторства Азефа были арестованы и осуждены на казнь и каторгу многие члены партии эсеров. Разоблаченный в 1908 г., Азеф был приговорен ЦК ПСР к смерти, но сумел скрыться от возмездия. Умер в Берлине от болезни почек.

- Почему вас?

- Почему именно меня? Я думаю потому, что дело это н-незначительное и отнюдь не геро-ическое. Одним словом, больше было некому, и я согласился. Дали мне адрес и инструкцию, как уб-бивать. Потому что я в этих делах